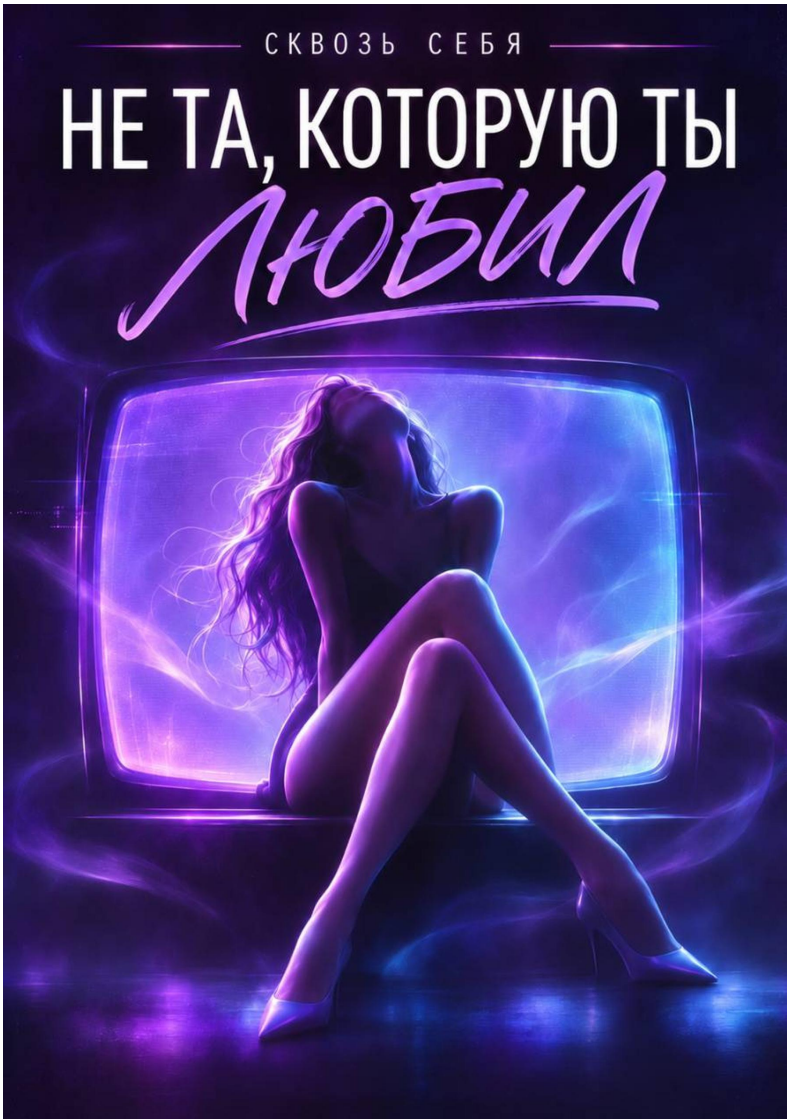
СКВОЗЬ СЕБЯ

НЕ ТА, КОТОРУЮ ТЫ ЛЮБИЛ

Станислав Оушен

Не та, которую ты любил.

https://litres.ru/74771884
SelfPub; 2026

Аннотация

Семь лет она училась жить без него. Построила новую жизнь, открыла собственную цветочную мастерскую и почти убедила себя, что прошлое осталось позади.

Но однажды он снова появляется на её пороге.

И заказывает свадебный букет. Для другой.

Теперь ей предстоит выбирать цветы для женщины, которой он собирается сказать «да», и каждый день делать вид, что воспоминания больше ничего не значат.

А потом в её жизни появляется человек, рядом с которым не нужно быть прежней.

Но можно ли полюбить кого-то нового, пока прошлое всё ещё отзывается внутри? И кого мы на самом деле пытаемся вернуть — любимого человека или себя такими, какими когда-то были рядом с ним?

«Не та, которую ты любил» — эмоциональная история о первой любви, втором шансе, непростом выборе и смелости однажды перестать жить чужими ожиданиями.

Иногда самая трудная встреча — с собой настоящей.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 16
Глава 3 27
Глава 4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Станислав Оушен
Не та, которую ты любил.

Глава 1
Белое

В восемь сорок три холодильник начал пищать.

Не громко. Как обиженный человек, который не хочет устраивать сцену, но рассчитывает, что все заметят.

Она открыла дверцу, переставила ящики с ранункулюсами и нажала на панель. Писк прекратился. Через четыре секунды вернулся.

— Я тебя тоже не люблю, — сказала она.

В мастерской было пусто. За стеклянной дверью дворник сгребал мокрые листья к бордюру, и они тут же расползались обратно. На крючке возле кассы висела куртка, которую она обещала отнести в химчистку ещё до открытия. Вчера к вечеру на подоконнике выросла стопка чеков; сверху кто-то положил резинку для волос и ключ от подсобки.

Ключ был её. Резинка — тоже. С чеками хотелось разобраться, когда они перестанут размножаться.

Она снова нажала на панель.

— Слушай, мы с тобой договорились. Я тебя купила, ты

холодишь. Никаких сложных отношений.

На улице прошёл мужчина с собакой. Собака остановилась у витрины, уставилась на красные тюльпаны и потянула хозяина к двери. Хозяин увёл её, не подняв глаз.

Первый покупатель пришёл через двадцать минут и попросил цветы, которые «не выглядят так, будто я извиняюсь».

— Это зависит от того, что вы сделали, — ответила она.

Покупатель немного подумал.

— Не очень серьёзное.

— Тогда жёлтые.

— А если серьёзное?

Она выбрала длинную ветку эвкалипта.

— Тогда лучше начните со слов. Цветы не вытянут.

Он рассмеялся, взял маленький букет и попросил не заворачивать его в бумагу с сердечками. Она перевязала стебли серой лентой, пробила чек и вслед за ним выглянула на улицу. Дворник ушёл. Листья победили.

В мастерской осталось девять белых роз с обломанными внешними лепестками. Поставщик уверял, что цветы свежие, просто немного пострадали в дороге. Она провела пальцем по краю одного лепестка.

Повреждённые лепестки она убирала с лёгкостью, от которой иногда становилось неловко: покупатель видел цветок уже без следов дороги.

Она обрезала стебель и бросила лепестки в ведро.

Колокольчик над дверью звякнул.

— Мы открыты, — сказала она, не поднимая головы. — Только сегодня белые розы я вам не посоветую.

— А какие посоветуешь?

Секатор остался в руке.

Голос был знакомым не так, как знакома мелодия, которую услышал сто раз. Она не узнала слово или интонацию. Тело узнало раньше: под рёбрами сделалось пусто, словно кто-то внезапно вынул одну из полок.

Она подняла голову.

У двери стоял мужчина в тёмном пальто. Волосы стали короче. На правой скуле появилась тонкая складка, которой она не помнила. Под мышкой он держал папку из плотной бумаги; на углу папки отпечатался влажный след от пальцев.

Семь лет — срок достаточный, чтобы забыть чужое лицо на фотографии.

Теперь он стоял в дверях, стряхивая с папки капли дождя.

— Привет, — сказал он.

Она поставила секатор на стол.

— Ты пришёл за цветами?

Вопрос получился таким сухим, что она сама услышала в нём цену каждой минуты, которую когда-то ждала ответа.

— Да.

— Ну, тогда тебе повезло. Здесь цветочный магазин.

Он выдохнул, будто хотел улыбнуться и передумал. Раньше так же выдыхал перед тем, как признаться в небольшой

неприятности: забыл купить хлеб, потерял ключ, случайно испачкал её любимый свитер.

Она ждала, что память продолжится сама — и покажет, как они потом смеялись. Но память остановилась на свитере.

— Ты здесь работаешь? — спросил он.

— Нет, проникла ночью. Поливаю чужие цветы ради острых ощущений.

Он оглядел помещение: новый деревянный прилавок, холодильник, витрина, над которой криво висела лампа, нарисованная от руки табличка «Здесь можно передумать».

— Твоё?

— Моё.

Его взгляд задержался на вывеске за стеклом. Буквы для неё придумала подруга, которая три вечера спорила о расстоянии между «ц» и «в», пока наконец не сказала: «Если ещё раз попросишь сдвинуть, я приду с линейкой».

— Ты всегда хотела своё место, — сказал он.

Она взяла из ведра новую розу.

— Ты помнишь?

Он посмотрел на её руки.

— Кое-что.

Ей не понравилось, как тепло стало от этих двух слов. Температура в холодильнике по-прежнему поднималась. На столе лежал неоплаченный счёт. Ей было тридцать с небольшим — и половину жизни она училась не путать внимание с обещанием.

— Что тебе нужно? — спросила она.

Он положил папку на прилавок.

— Букет.

— Это мы уже выяснили.

— Свадебный.

В холодильнике снова коротко пискнуло.

Она так отчётливо услышала этот звук, что позже была уверена: именно в эту секунду что-то сломалось. Не внутри неё — там было почти подозрительно спокойно. Просто обычный, плохо закрывающийся холодильник напомнил о себе, пока она смотрела на мужчину, которого не видела семь лет.

— Поздравляю, — сказала она.

— Спасибо.

— Какой нужен?

— Белый.

— Белый бывает разный.

— Мне прислали фотографии.

Он раскрыл папку. На первом листе был аккуратно напечатан букет из белых анемонов и веток оливы. На втором — тонкая лента цвета шампанского, свободно свисающая со стеблей. На третьем девушка в платье держала похожие цветы, но лицо её было обрезано краем кадра.

Она узнала стиль. Так оформляют референсы люди, которые боятся, что их не поймут с первого раза. Сама она когда-то делала такие же подборки: три картинки вместо одно-

го простого «мне нравится».

— Для невесты? — спросила она.

Он кивнул.

— Для Аси.

Имя прозвучало спокойно. Так называют человека, который вчера оставил на диване книгу и утром попросил не забыть закрыть окно.

— Ася любит анемоны?

— Не знаю. Наверное. Она выбрала картинки.

— Это существенная разница.

Он посмотрел на неё.

— В каком смысле?

— Между «любит анемоны» и «выбрала картинку». Я могу собрать точь-в-точь, а потом окажется, что ей нравился только свет на фотографии.

Она сама удивилась, что говорит о цветах серьёзно. Но когда начала объяснять, напряжение отступило. Вот здесь у неё была территория, на которой никто не мог застать её врасплох.

Она достала блокнот заказов.

— Когда свадьба?

— Чуть меньше чем через четыре недели.

— Дата?

Он назвал число.

Она записала.

— Где будет церемония?

— За городом. В оранжерее.

— Сколько часов букет должен выдержать без воды?

Он отвёл взгляд к окну.

— Надо спросить.

— Спроси. И пусть она сама придёт посмотреть цветы, если сможет. Это её букет.

Он провёл ладонью по папке, разглаживая невидимую складку.

— Она хотела прийти. У неё сегодня встреча.

— Тогда выберем другой день.

— Я могу оставить предоплату.

— Можешь. Но без согласованных деталей я не обещаю ни оттенок, ни состав.

Она повернула к нему прайс и сразу пожалела. Цены оказались мелко напечатаны, почти виновато. Вчера подруга велела увеличить шрифт: «Ты продаёшь цветы, не просишь прощения за их стоимость». Она обещала переделать вечером.

Он изучил цифры, не меняясь в лице.

— Хорошо.

— Хорошо — это сколько?

— Всё, что требуется.

Она захлопнула блокнот. Слишком резко. Лежавшая рядом катушка ленты подпрыгнула и покатилась к краю.

Он поймал её ладонью.

Так же быстро, как когда-то ловил упавшие со стола клю-

чи, стаканы, чеки. Она всегда жаловалась, что он двигается прежде, чем думает. Он отвечал: «Зато потом меньше собирать».

Сейчас она забрала катушку и поставила на место.

— Я пришлю договор, — сказала она. — Или можешь прийти вместе с Асей. Как удобнее.

— Я не хотел ставить тебя в неудобное положение.

— Поздно. У меня холодильник умирает, а ты выбираешь цветы для свадьбы.

Он поднял глаза.

— Холодильник?

— Не обращай внимания. У него свой характер.

— Может, дело в двери?

— Спасибо, мастер. Что бы я без тебя делала семь лет?

Он замолчал.

Она тоже.

Вот оно. Впервые за несколько минут она позволила прошлому войти в мастерскую без спроса. Оно оказалось гораздо менее торжественным, чем ей представлялось. Ни музыки, ни особого света. Мужчина с мокрой папкой. Женщина с секатором. И очень неудачная фраза.

— Извини, — сказала она.

— За что?

— Ничего. Неважно.

Он смотрел на неё долго, почти внимательно, и на секунду ей захотелось спросить то, что семь лет назад не смогла: «Ты

вообще понял, почему я не поехала?»

Но он стоял по другую сторону прилавка, собирался жениться, а за дверью уже ждала женщина с пакетом из аптеки.

— Я напишу завтра, — сказал он.

— Лучше пусть Ася напишет. Или позвонит на рабочий номер, он на визитке.

Она протянула карточку. Он взял её двумя пальцами.

Общих снимков на телефоне давно не осталось: после разрыва она удалила их, надеясь, что вместе с файлами исчезнет привычка ждать его звонка. И вот теперь впервые за много лет он держал вещь, на которой было её имя. Имя напечатали внизу мелко, под названием мастерской.

Он прочитал карточку.

— Тебе идёт.

— Что?

— То, что ты здесь хозяйка.

Она отступила на шаг, чтобы женщина с аптечным пакетом могла войти.

— Заходите, пожалуйста, — сказала она новой покупательнице.

Он понял, что разговор закончился.

Уже у двери обернулся:

— Я рад, что у тебя получилось.

Она хотела ответить «у меня ещё ничего не получилось». Счета оплачены не все. Большая вывеска съедала половину дневной выручки. Один поставщик дважды перепутал сорт.

Батарея за кассой едва грела. Вчера она уснула прямо за ноутбуком, не успев снять серёжки.

Вместо этого сказала:

— Я тоже.

Он вышел.

Покупательница попросила один цветок, самый простой, чтобы поставить у фотографии матери.

Она долго выбирала. Остановилась на белой хризантеме.

— А сколько она простоит? — спросила женщина.

— Если менять воду, дней десять. Может, дольше.

Покупательница кивнула.

— Мне не надо дольше. В воскресенье я уезжаю.

Она упаковала хризантему в простую бумагу и не взяла денег за ленту. Женщина поблагодарила, но не улыбнулась. Покупательница держала хризантему обеими руками, словно боялась повредить. Она вышла, так и не улыбнувшись.

Когда дверь закрылась, она осталась одна.

На прилавке лежал отпечаток влажной папки — прямоугольник темнее остального дерева. Она провела по нему тряпкой. След исчез.

Она вытерла стол ещё раз.

Потом посмотрела на телефон.

Там было сообщение от подруги:

«Как первая неделя? Ты хотя бы ешь?»

Она набрала: «Он пришёл».

Стерла.

Написала: «Холодильник сдох».

Через полминуты пришло: «Какой именно? У тебя один».

Она рассмеялась. Смех вышел короткий, неуверенный, но настоящий.

«Тот самый. Приезжай вечером, если можешь».

«Могу после работы. И не покупай новый, пока не посмотрим уплотнитель».

Она положила телефон экраном вниз.

В холодильнике снова запищало. Теперь настойчивее.

Она открыла дверцу, осторожно переложила анемоны в нижний отсек и увидела, что белые бутоны тесно прижались к стенке. На одном был бурый след. Она удалила повреждённый лепесток, но цветок от этого не стал прежним.

На улице зажглась вывеска аптеки. Свет ложился на стекло бледно-зелёным пятном.

Она вспомнила первую квартиру, в которой они жили вдвоём. Там не было нормального стола. По вечерам они ужинали, сидя на полу, и однажды он принёс ей огромный букет из дешёвых белых цветов.

«Не люблю белые», — сказала она тогда.

«А какие любишь?»

Она не смогла ответить. Ей нравилось, что он купил цветы, и одновременно было обидно, что он не угадал. Тогда она ещё не знала, что это два разных чувства.

Она нащупала под прилавком старую коробку с лентами. Там, среди скрученных обрезков, лежала узкая зелёная по-

лоска ткани, которую не выбрасывала несколько лет. Не подарок от него. Просто лента того же оттенка, что он однажды завязал ей на запястье вместо браслета.

Она вынула полоску.

Подержала на ладони.

Полоска царапала кожу там, где ткань успела затвердеть от старого клея. Она убрала её в коробку, не развязывая.

В дверь позвонили.

Она убрала ленту обратно в коробку и подняла глаза.

— Здравствуйте. Вам помочь с цветами?

Глава 2
Уплотнитель

Подруга приехала без пирога.

Вместо него она принесла из своей сумки плоскую отвёртку, два контейнера с гречкой и пакет с мандаринами, в котором уже успел порваться один бок.

— Пирог будет в следующий раз, — предупредила она, переступая порог. — Я его не пекла. Собственно, я даже не собиралась.

— Я и не просила пирог.

— Ты всегда просишь пирог глазами.

— Сними обувь. Я вчера мыла пол.

— Милая, ты работаешь с землёй, стеблями и мокрыми листьями.

— И всё-таки сними.

Подруга посмотрела на пол. На светлой плитке, прямо перед холодильником, лежала длинная зелёная полоса: кто-то протащил ветку эвкалипта и оставил за собой след. Хозяйка мастерской сделала вид, что не замечает.

— Ладно, — сказала подруга. — Уважаю твои принципы.

Она сняла ботинки, присела возле холодильника и открыла дверцу. Изнутри пахло влажной зеленью, прохладным пластиком и чем-то слабым, почти сладким, — так пахнут

цветы, когда им не хватает воздуха.

— Давно орёт?

— С утра.

— Температура?

— Растёт.

— А ты что делала?

— Разговаривала с ним. Угрожала разрывом отношений.

— То есть ничего.

— Переставляла ящики.

— Лучше бы не переставляла.

Подруга провела пальцем по чёрной резинке, прижала её у нижнего угла, затем закрыла дверцу на секунду и снова открыла.

— Вот. Щель.

— Какая?

— Из которой выходит твоя будущая прибыль. Смотри.

Она поднесла к дверце тонкую полоску бумажного чека. Бумага дрогнула у нижнего края.

— Это всё?

— Всё — прекрасное слово. Резинку заменить или хотя бы поправить, датчик проверить, мастера вызвать. Надеюсь, ты не рассчитывала, что я здесь живу?

— Иногда рассчитывала.

Подруга выпрямилась. На её запястье осталась тёмная полоса от пыли.

— Тогда ставь мне кровать рядом с розами. Я буду самым

неприхотливым товаром.

Хозяйка мастерской рассмеялась и тут же почувствовала себя предательницей. С утра она думала только о мужчине, который приходил за свадебными цветами. Смех был неуместен, как будто за её спиной ещё продолжался какой-то важный разговор и она пропускала реплики.

Подруга достала контейнер.

— Ешь.

— Я потом.

— Нет, сейчас. Не делай вид, что твоя кровь состоит из кофе и остатков эвкалипта.

Она включила маленькую настольную лампу над кассой. Лампа мигнула два раза. Освещение магазина каждый день вносило в жизнь новые предложения.

— Отлично, — сказала подруга. — Здесь ещё и электричество с характером.

— Лампу я специально так настроила. Атмосфера.

— Атмосфера банкротства.

Они поели сидя за столом для упаковки букетов. Подруга отодвинула рулон плёнки, сложила ножницы в сторону и расправила салфетку на колене с тем видом, с каким люди расправляют скатерти в хорошем ресторане.

Несколько минут говорили о пустяках. О покупательнице, которая требовала «нежный, но заметный» букет и ушла без покупки, потому что все цветы оказались слишком заметными. О том, как подруге прислали новый список правок для

афиши и в третий раз попросили «добавить воздуха». О соседке, у которой дома жил кот, каждое утро карауливший в окне мусоровоз.

Потом подруга спросила:

— И что у тебя с лицом?

— С лицом нормально.

— Я знаю. С лица всегда начинается обман.

Она попыталась отодвинуть пустой контейнер, но тот зацепился за катушку ленты.

— Ко мне сегодня приходил один человек.

— Поздравляю. Так магазины и работают.

— Из прошлого.

— А.

Подруга сказала это коротко. Не как женщина, наконец дождавшаяся интересной новости, а как человек, которому сообщили об изменении расписания поездов: теперь надо понять, кто и куда опаздывает.

— Тот самый? — спросила она.

— Да.

— Который уехал?

Она кивнула.

— За цветами?

— За свадебным букетом.

Подруга задумчиво вынула из пакета мандарин.

— Своим?

— Наверное, чужим. Пришёл просто повеселиться.

— Я спрашиваю, он женится?

— Чуть меньше чем через четыре недели.

Подруга аккуратно разорвала кожуру. Сок брызнул на край стола.

— Он тебя узнал?

— Да.

— И?

— И ничего. Отдал картинки. Сказал, что рад за меня. Я обещала прислать договор.

— Даже не бесплатно?

— Очень смешно.

— Я не шучу. Ты тогда любила спасать людей от их счетов.

Хозяйка мастерской подняла глаза.

— Тогда я вообще любила делать много вещей.

— Я помню.

Подруга действительно помнила её семь лет назад, и спорить с этим было невозможно. Помнила, как та работала по двенадцать часов, таскала домой остатки цветов из магазина, чтобы не выбрасывать, и покупала ему подарки вместо того, чтобы оплатить собственные курсы. Помнила, как в ночь его отъезда они сидели на кухне, пили плохой чай и делали вид, что обсуждают погоду.

— Я не стала спрашивать, как он живёт, — сказала она.

— А хотелось?

— Хотелось спросить, почему он выглядит так, будто всё у него хорошо.

Подруга отложила мандариновую кожуру.

— А тебе было бы легче, если бы плохо?

Она потянулась к мандариновой кожуре, собрала её на салфетку и не ответила. Даже самой себе не хотелось признаваться, что чужая неудача могла бы её утешить.

Подруга не требовала ответа.

С улицы донёсся визг тормозов. Кто-то хлопнул дверью машины, и на несколько секунд обе прислушивались, не решаясь говорить одновременно с этим звуком.

— Я ведь была уверена, — произнесла хозяйка мастерской, — что когда увижу его, скажу что-нибудь другое.

— Что именно?

— Что у меня всё получилось. Или что он виноват. Или что я его давно не помню.

— А сказала?

— Про холодильник.

Подруга засмеялась первой. Потом смех подхватили обе — громко, с облегчением, почти неприлично для пустого магазина, где на одной стене висела маленькая фотография бабушки, научившей её различать пионы по запаху.

— Бедный холодильник, — сказала подруга, вытирая глаза. — Он теперь отвечает за семь лет твоей личной жизни.

— Не начинай.

— Я и не начинала. Он сам.

Телефон мастерской зазвонил в половине седьмого.

Номер был незнакомым. Она посмотрела на подругу, за-

чем-то вытерла ладонь о фартук и ответила официальным голосом:

— Цветочная мастерская, добрый вечер.

— Здравствуйте. Я, кажется, не вовремя? Меня зовут Ася.

Она посмотрела на лежащую возле кассы папку с набросками, которую успела открыть после ухода мужчины. Он оставил копии фотографий. Она положила их в прозрачный файл, как положила бы любой заказ.

— Добрый вечер, Ася. Какой вопрос?

— Мой жених сегодня у вас был. По поводу букета.

— Да. Я как раз хотела уточнить несколько деталей.

— Можно я приеду сама?

— Конечно.

— Только без него, если вы не против.

Тон был слишком непринуждённым. Ей захотелось спросить, почему. Невеста словно ожидала встречи с человеком, которого лучше сначала рассмотреть в одиночку.

— Это ваш букет, — сказала она. — Вы можете прийти одна.

— Просто мы не можем договориться. Он любит белое. А я терпеть не могу, когда всё белое. Я даже скатерти выбрала льняные.

— На фотографиях действительно белые цветы.

— Фотографии он прислал. Я говорила, что мне нравится форма. Кажется, он услышал только цвет.

Хозяйка мастерской вдруг почувствовала, как невидимая

нить прошлых разговоров натянулась между двумя совершенно незнакомыми женщинами. Она знала эту привычку: услышать из чужой просьбы только ту часть, которая совпадает с твоим представлением о красивом.

— Тогда приходите, — сказала она. — Я покажу несколько вариантов. И вы сами решите.

— Спасибо. Вы не представляете, как приятно это слышать.

— Представляю, — вырвалось у неё.

Она тут же пожалела.

Но Ася ничего не заметила или сделала вид.

Они договорились на следующий день, в четыре. Она записала время в журнал. Ася спросила, можно ли принести маленький кусочек ткани от платья, чтобы подобрать оттенок ленты. Она ответила, что это хорошая идея.

После звонка подруга молча смотрела на неё.

— Что? — спросила она.

— Ты вся напряглась.

— Просто не люблю говорить по телефону.

— Ты по телефону за день половину товара продаёшь.

— Значит, умею скрывать.

Подруга не стала возвращать разговор к бывшему. Взяла тряпку, вытерла мандариновый сок со стола и вдруг сказала:

— Я тебе кое-что должна.

— Денег?

— Нет. Макет вывески на запасной вход. Я обещала сде-

лать неделю назад.

— У меня нет запасного входа.

— Пока. А я уже придумала шрифт.

Они обе рассмеялись.

Потом подруга посмотрела на часы и посерьёзнела.

— Мне пора. Завтра сдавать афишу. Заказчик хочет, чтобы на ней было одновременно спокойно и празднично.

— Поставь одного усталого человека с хлопушкой.

— Вот, сразу видно профессионала.

Она помогла подруге собрать контейнеры. У дверей та остановилась, обернулась и спросила уже без шутки:

— Ты с этим заказом справишься?

Хозяйка мастерской открыла рот, чтобы ответить автоматически: «Конечно».

Но вовремя остановилась.

— Не знаю. Наверное. Если привезут анемоны. Если перестанет пищать холодильник. Если я не сделаю глупость.

— С анемонами помогу обзвонить поставщиков, если понадобится. Холодильник — вызывай мастера. А с глупостями... — Подруга задумалась. — Ну, ты и раньше без меня справлялась.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Она ушла, унеся с собой пакет с кожурой и обе ложки, которые случайно оказались её. Через минуту вернулась за отвёрткой, открыла дверь без стука и сказала:

— Совсем забыла. Ты завтра поешь до четырёх?

— Я серьёзный предприниматель.

— Это не ответ.

— Поем.

— Записываю как договор.

К вечеру холодильник почти перестал пищать. Температура держалась чуть выше нормы. Она написала мастеру, приложила фотографию дверцы и договорилась о визите утром. Составила список цветов, которые придётся перенести в запасные ёмкости, и разложила на столе образцы лент.

Среди них была зелёная.

Не та, из старой коробки, — новая, на толстой катушке. Цвет отдалённо напоминал траву после дождя. Она взяла её, положила рядом с белой и песочной.

На экране телефона появилось письмо. Отправитель — Ася.

«Спасибо, что согласились встретиться. Я не очень понимаю в цветах, зато точно знаю, что не хочу быть похожей на чужую невесту».

Она перечитала сообщение.

Не потому, что там было что-то необычное. Напротив: такое мог написать любой человек, уставший от чужих ожиданий.

Она ответила:

«Приходите. Мы начнём не с фотографий».

Потом открыла блокнот заказов и напротив завтрашнего

времени написала одно слово:

«Слушать».

Сама над собой усмехнулась. Прозвучало так, будто она собралась сдавать экзамен по психологии.

Она вычеркнула слово и написала вместо него:

«Анемоны, ленты, цена».

Рядом она дописала телефон поставщика. Про цвета можно было договориться; про чужую жизнь — не хотелось.

Перед закрытием она зашла в подсобку, выключила верхний свет и на секунду увидела своё отражение в чёрном стекле двери холодильника.

Возможно, семь лет назад она бы стояла тут и репетировала разговор с ним. Придумывала слова, которые могли бы задеть. Проверяла, насколько хорошо выглядит уставшее лицо.

Сейчас она проверила только резинку на дверце.

Прижалась плотно.

Холодильник наконец замолчал. Подруга, видимо, была права насчёт дверцы.

Глава 3
Два билета

Утром она не могла найти ножницы.

Не те большие, которыми разрезают толстые стебли, — маленькие, с красными кольцами. Они были неудобными, тупились каждые две недели, и она всё равно пользовалась именно ими, когда нужно было сделать что-нибудь аккуратно.

На столе лежали пять других пар. Маленьких не было.

Она заглянула в ящик с лентами, под журнал, за кассу. Затем открыла шкафчик под раковиной и нашла ножницы в ведре с водой.

— Отлично, — сказала она. — Значит, ночью тут работал гений.

Ножницы просохли на полотенце. Она попыталась вспомнить, зачем опустила их в ведро, и не смогла.

Накануне она весь вечер думала о завтрашней встрече с Асей. Не о букете, не о деньгах и даже не о мужчине. О том, как сидят за одним столом две женщины, которые любят одного человека в разные времена. Какую из них он видел яснее? У которой не требовалось столько объяснений?

Вопрос был унизительно старомодным, почти как соревнование в школьном коридоре. Она рассердилась на себя за

него и принялась выгружать из коробки свежие гвоздики.

Мастер по холодильнику пришёл к десяти. Он был невысоким, носил очки в коричневой оправе и начал разговор с вопроса:

— А вы его как часто закрываете?

— Обычно каждый раз, когда открываю.

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Понятно.

В течение сорока минут он разобрал часть дверцы, заменил уплотнитель, поворчал на качество креплений и выставил счёт. Он не делал вид, что помог ей из любезности. Она молча оплатила счёт и попросила записать срок гарантии.

В одиннадцать мастерская работала как обычно.

До четырёх оставалось достаточно времени, чтобы всё испортить.

Семь лет назад у них не было денег на мастера, хотя холодильник в съёмной квартире давно просил ремонта.

В старой квартире стояла маленькая белая машина с одной ручкой температуры. Она издавала такой звук, будто в соседней комнате заводили мопед. По ночам он вставал и прижимал к дверце стул, чтобы она не дребезжала. Стул был деревянным, с отслоившейся краской, найденным возле мусорных баков.

Первой ночью, когда они съехались, она спросила:

— Мы точно не будем жить на этом стуле?

— Я планировал спать на кровати.

— Кровати пока нет.

— Значит, на матрасе.

Матрас лежал на полу, наполовину закрытый старым покрывалом. В углу стояла коробка с посудой. На подоконнике — её горшок с базиликом. В кухне не было стола, поэтому они ели пиццу с крышки от переездного ящика.

Она тогда смеялась без остановки. Ей казалось, что всё впереди: работа, путешествия, собственная студия, большая кухня с нормальными ножницами. Не обязательно в таком порядке.

Он придумал их жизнь быстрее.

Через полгода ему предложили место в другом городе. Хороший контракт на несколько лет, жильё от компании в первые месяцы, перспективы, которые он перечислял всё более уверенно. Он пришёл домой с распечаткой письма и поставил перед ней бутылку недорогого шампанского.

— У меня получилось, — сказал он.

Она обняла его, даже не дочитав.

— Здорово. Когда начинаешь?

— В следующем месяце.

Она разжала руки.

— В следующем?

— Да. Представляешь?

Она представляла. Непривычный вокзал, окна чужой квартиры, новый маршрут на работу. Она не боялась города.

Она боялась слова «мы», которое уже прозвучало в его планах, хотя они ещё ни о чём не договорились.

За неделю до этого ей пришло письмо о зачислении на вечерние курсы флористики. Заявку она отправила тайком, чтобы не сглазить, и всё собиралась рассказать о курсах, но никак не выбирала подходящего вечера.

Он прошёл в комнату, достал ноутбук и раскрыл карту нового города.

— Здесь у меня будет офис. Рядом парк. Если получится, снимем квартиру ближе к центру.

— А мне что там делать?

Он повернулся так быстро, будто вопрос оказался глупым.

— Что захочешь.

— Это не ответ.

— Ты же говорила, что хочешь уйти из магазина. Там возможностей больше.

— Каких?

Он поискал что-то на экране.

— Вон, студии, цветочные магазины. Можешь устроиться. Или пока не работать, я справлюсь.

Именно это «пока» тогда испортило весь вечер.

Она знала, что он не имел в виду ничего плохого. Возможно, правда хотел дать ей отдохнуть от смен, в которых на неё срывались покупатели, а администратор постоянно просил выходить по воскресеньям. Он видел её усталость и придумал решение.

Просто решение не спросило, чего она хочет.

— Ты купил шампанское, чтобы мы это отпраздновали? — спросила она.

— Конечно.

— Тогда поздравляю.

Она подняла бокал. Они выпили, говорили о размерах квартир и стоимости билетов. Она не рассказала о курсах. В ту ночь это показалось разумным: зачем портить праздник разговорами о деньгах и обязательствах?

Утром она нашла на кухне распечатку расписания поездов.

Он обвёл карандашом две строчки.

Курсы начинались во вторник. Она внесла аванс из денег, отложенных на зимнюю куртку.

Вечером он положил перед ней билеты.

— Нам повезло, — сказал он. — Было два места в одном вагоне. Обычно в этот день всё занято.

Она посмотрела на даты. Отъезд назначался на понедельник, за сутки до первого занятия.

— Ты уже купил?

— Да. Я хотел сделать сюрприз.

— Мне?

— Нам.

Она не закричала. Позже много раз представляла, как кричит, бросает бумагу на стол, говорит правильные слова.

На самом деле взяла билеты, прочла номер вагона и спросила:

— А если я не поеду?

Он сел напротив.

— Не понял.

— Если у меня тут свои планы?

— Какие?

Она приготовилась произнести «курсы». Произнести, как будто это простая вещь, которую двое взрослых способны обсудить. Но вдруг стало обидно: почему нужно рассказывать о важном только тогда, когда он уже всё решил?

— Есть кое-что, — сказала она.

— Что?

— Не хочу сейчас.

Он подождал.

— Ладно. А билеты-то зачем тогда?

Она рассмеялась от бессилия.

— Это я должна у тебя спросить.

После этого они несколько дней говорили только о нужном: хлебе, счетах, погоде. Он ходил за ней по квартире, как человек, забывший, в какую комнату шёл. Она находила себе работу даже там, где её не было. Меняла постельное бельё. Пересаживала базилик. Мыла пол, пока вода не становилась холодной.

Он дважды спрашивал, что происходит. Она отвечала: «Ты и сам знаешь».

Оба притворялись, будто это правда.

На третий день он сказал:

— Я не буду отказываться от работы.

— Я и не прошу.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, словно я тебя бросаю?

Она хотела сказать: потому что ты уже уехал. Разделил будущее на комнаты, в которых я могу жить, и даже не заметил, что не спросил меня.

Вместо этого произнесла:

— Потому что тебе там удобнее.

Он вышел на балкон. Постоял, глядя на двор, и вернулся с холодными руками.

— Мне не удобнее. Мне страшно. И я думал, что ты со мной.

Она услышала только последнюю часть.

— То есть я должна быть с тобой, чтобы тебе не было страшно?

Он посмотрел на билеты, лежащие на холодильнике.

— Не знаю, что сказать.

— Тогда не говори.

В последний вечер он собрал чемодан. Она не помогала, но стояла в дверях и замечала, какие вещи он забывает: зарядку, тёмный шарф, тетрадь с адресами.

— Тебе написать, когда доеду? — спросил он.

— Зачем?

— Чтобы ты знала, что всё нормально.

— У тебя и так всё нормально.

Он молча положил зарядку в чемодан.

Она стояла и ждала, что он скажет: «Поехали, я подожду до конца твоих курсов». Он ждал, что она наконец назовёт причину, ради которой остаётся.

Никто ничего не сказал.

Когда он уехал в понедельник, на крышке коробки, служившей им столом, осталась распечатка маршрута.

Билеты — оба — он забрал с собой. Ей тогда было всё равно, что он сделает с неиспользованным.

В половине третьего она вернулась в мастерскую с хлебом и новым блокнотом.

С той поездки она всегда рассказывала одну и ту же историю: он купил билеты, не спросив, и уехал. В ней было достаточно правды, чтобы не нуждаться в дополнительных подробностях.

Теперь, стоя возле холодильника с новым уплотнителем, она снова увидела перед собой то письмо о зачислении.

Она ведь могла показать его. Могла сказать, как важно было начать учиться. Могла предложить ему приехать на выходные или попросить подождать месяц.

Но тогда признаться в собственных планах значило перестать быть женщиной, которая всё понимает с полуслова. Она предпочла обиду: она была проще, чем разговор.

Он всё равно мог уехать. Это не делало бы его правым.

Только теперь ей пришлось признать, что в тот день не существовало одного человека, который всё решил за двоих.

Она взяла чистый лист из нового блокнота и расписала на нём завтрашние расходы. Счёт мастера оказался выше, чем она ожидала. Если свадебный заказ не состоится, придётся урезать ассортимент на следующую неделю и отложить оплату нового стеллажа.

Она вздохнула, закрыла блокнот и вытащила из ведра с водой последние белые розы. Две уже не годились для продажи.

В четыре часа пять минут дверь открылась.

На пороге стояла молодая женщина с полотняной сумкой и аккуратно свернутым кусочком светлой ткани.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я Ася.

Она протянула руку.

Хозяйка мастерской тоже протянула свою — мокрую после цветов.

Они обе посмотрели на её ладонь и одновременно рассмеялись.

— Начнём с салфетки? — предложила Ася.

— Отличная идея.

Они прошли к столу.

Она достала чистые ножницы, те самые, с красными кольцами, и открыла образцы лент.

Ася поставила сумку на стул и расправила ткань. Хозяй-

ка посмотрела на часы: до закрытия оставалось меньше двух часов, а оттенок ленты они ещё даже не обсуждали.

Глава 4
Чужой вкус

Ася положила на стол кусочек ткани.

Он был не белым. Скорее серым с тёплой желтизной, как бумага, которая долго лежала в закрытой книге.

— Мне сказали, что это цвет шампанского, — пояснила она. — Но на шампанское он похож только в плохом освещении.

Хозяйка мастерской взяла ткань за угол. Материал был плотный, чуть шершавый.

— Выбирали сами?

— Мама помогала. То есть я выбирала, а она находила причины, почему это нельзя.

— В итоге?

— В итоге взяла то, что хотела. Мама сказала, что ничего не будет видно на фотографиях. Это я уже слышала от троих.

Она улыбнулась, но улыбка продержалась недолго. Ася сняла пальто, аккуратно повесила на крючок, затем спросила:

— Я могу посмотреть не только белые?

— Можете любые. Только некоторые придётся заказывать заранее.

Хозяйка открыла холодильник. После ремонта он звучал

тише, чем обычно. Холод не вырывался наружу, как беспокойное животное. Она показала кремовые ранункулюсы, зелёные ветки, несколько пыльно-розовых роз, одна из которых всё время поворачивалась головкой к дверце.

— Вот это красиво, — сказала Ася.

— Роза или ветка?

— То, что они рядом.

Она поняла, почему это важно, раньше, чем успела сформулировать.

На фотографиях из папки жениха всё было подобрано слишком правильно. Белое к белому, тонкое к тонкому, без единой лишней линии. Красиво так, как бывают красивы комнаты, в которых никто не живёт.

Ася же выбрала две вещи, которые немного мешали друг другу. Роза была слишком пышной для тонкой зелени. Ветка отбрасывала тень на лепестки.

— Давайте попробуем, — сказала хозяйка.

Она сняла с полки небольшую вазу, поставила в неё цветы и повернула к свету.

Ася приблизилась.

— Нет, — сказала она.

— Что не так?

— Слишком торжественно.

— Это же свадьба.

— Вот именно.

Ася почесала висок. На мизинце у неё было кольцо с ма-

ленькой зелёной вставкой, совсем не похожее на обручальное. Она заметила взгляд флориста и пояснила:

— Бабушкино. Оно вечно цепляется за одежду.

— Тогда его лучше на церемонию не надевать.

— Не сниму. Бабушка сказала, что однажды я перестану стесняться больших рук.

Она раскрыла ладонь.

Руки были обычные. С короткими ногтями, на одном — след тёмной краски.

— Вы рисуете? — спросила хозяйка.

— Мебель реставрирую. Старую. Иногда неделями снимаю краску, потом обнаруживаю, что под ней ещё три слоя. Можно сразу купить новый шкаф, но мне интереснее выяснить, какой он был до всех этих ремонтов.

Хозяйка невольно посмотрела на деревянный прилавок. Он казался новым, хотя был сделан из старых досок. Она сама выбирала, какие потёртости оставить.

— У меня тут похожая история.

— Вижу.

Ася провела пальцем по краю дерева. Не царапая, осторожно.

— Мне нравится, что его не отшлифовали до одинаковости.

После этого Ася перестала каждые полминуты оглядываться на фотографии и начала двигать вазы сама. Они разговаривали об оттенках, которые нельзя было назвать одним

словом. «Не розовый, но и не бежевый». «Немного зелени, но чтобы не лес». «Достаточно свободно, будто цветы собрали по дороге, но не так, чтобы всё развалилось через час».

Требования казались противоречивыми, но теперь у каждой оговорки был смысл. Хозяйка вдруг поймала себя на том, что уже почти перестала думать, с кем Ася собирается жениться.

Почти.

Когда они перешли к цене, Ася вытащила телефон.

— Я должна сразу сказать: у нас бюджет. Не из принципа, а потому что после свадьбы мы хотим купить новый стол.

— Хорошая причина.

— Мне тоже так кажется. Он хочет большой праздник, а я — стол. Сошлись на небольшом празднике и хорошем столе.

Флорист записала стоимость анемонов, ранункулюсов, зелени и доставки. Некоторые цены пришлось увеличить из-за риска заказа поштучно.

Ася посмотрела на итог и поморщилась.

— Это честная цена?

— Да.

— Я не про то, много или мало. Вы себя не обидели?

Хозяйка не поняла вопроса.

— Что?

— Вы почти сразу начали объяснять, что некоторые цветы дорогие и можно заменить. Мне просто нужно знать, сколько стоит то, что мы выбрали.

На мгновение ей показалось, что Ася услышала разговор подруги про слишком мелко напечатанный прайс.

Она выпрямила лист.

— Тогда вот цена. С заменой будет дешевле, но я не рекомендую. Эти цветы лучше держат форму.

— Хорошо. Оставим.

Ася убрала телефон.

— Мне страшно, что за день до свадьбы я начну передумывать.

— Про букет?

— Про всё. Я работаю с мебелью. Иногда пять раз меняю цвет, пока заказчик не заберёт вещь. Тут страшно, что человека уже не перекрасишь.

Шутка была грубоватой, и Ася сама засмеялась первой. Хозяйка тоже. Ей понравилась эта женщина — не так, как нравятся люди, с которыми хочется дружить. Просто она была настоящей. Её пальцы пахли краской, она думала о столе, знала цену своей работе и при этом боялась сделать выбор.

Она с досадой признала, что Ася ей нравится. И от этого смотреть на свадебные фотографии было труднее.

Через полчаса пришла покупательница за букетом для матери.

Ася отступила к витрине, чтобы не мешать. Покупательница долго выбирала между тремя небольшими композициями, объясняла, что мама терпеть не может жёлтые цветы,

а розовые считает «девичьими», и наконец выбрала те, в которых не было ни жёлтого, ни розового.

Пока флорист перевязывала стебли, Ася внимательно рассматривала маленькую карточку с надписью «Цветы просто так».

— Сложная у вас работа, — сказала она после ухода покупательницы.

— Иногда проще молчать.

— А вы умеете?

— Учусь.

Ася достала из сумки кошелёк и оставила предоплату. Хозяйка выписала квитанцию. Они согласовали дату, время передачи букета и запасной вариант на случай задержки поставщика. Ася внимательно прочла договор. Не потому что подозревала её, а потому что так привыкла.

— Всё хорошо, — сказала она. — Можете прислать фотографии образца мне, не ему? Я хочу сначала увидеть.

— Конечно.

— Он обычно любит, чтобы всё было подготовлено заранее. У него, знаете, списки на каждую поездку. Места, время, запасные варианты.

Хозяйка остановила ручку.

Списки.

Когда-то он купил два билета и положил их на холодильник, уверенный, что избавил их от лишних решений. Сейчас Ася рассказывала о той же привычке без обиды. Возмож-

но, она действительно любила, когда кто-то составлял планы. Возможно, он научился спрашивать.

— Это удобно, — сказала хозяйка.

— Не всегда. Он иногда забывает, что жизнь не помещается в таблицу. Но зато когда я просплю, он помнит, где лежат ключи.

Ася не защищала жениха и не жаловалась на него: говорила о привычках, с которыми жила почти три года, будто о скрипучей дверце шкафа — раздражает, но знаешь, как придержать.

Хозяйка невольно вспомнила красные ножницы в ведре. Сама бы она обрадовалась человеку, который знал, куда они исчезли.

— Вы давно вместе? — спросила она.

Ася посмотрела на неё.

— Почти три года.

Три года. Не семь, которые прошли после расставания. Отдельная история, которая успела родиться, стать привычной и обзавестись своей мебелью.

— Ясно, — сказала хозяйка.

Это слово иногда спасало от необходимости произносить что-нибудь лишнее.

Ася надела пальто, потом вдруг сняла его обратно.

— Можно я возьму ещё одну ветку? Не для свадьбы.

— Какую?

Она выбрала срезанную оранжевую георгину, единствен-

ную, оставшуюся в вазе у окна.

— Эту.

— Она уже начинает увядать, — предупредила хозяйка. — Не простоит долго.

— И хорошо. У меня дома цветы вечность не живут. Не хочется, чтобы они соревновались с мебелью.

Хозяйка убрала лишние листья и завернула георгину в бумагу. Ася понесла её стеблем вниз, как зонтик, и уже на улице переставила правильно.

Когда дверь закрылась, хозяйка заметила, что улыбается.

Потом увидела оставленную на столе ткань и перестала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.